

Хомякова О.Р., доцент кафедры русской и
зарубежной литературы БГПУ имени М.Танка

«Вот вас бы с тетушкой свести, / Чтоб всех знакомых перечесть»: особенности конфликта в комедии

А.С. Грибоедова «Горе от ума»

Конфликт комедии Грибоедова мотивируется реакцией персонажей на личность тех, кто их осуждает. Содержанием же комедии является суд одних героев над другими, представленный как откровенно и принципиально лицеприятный.

В мире, который описывает Грибоедов, соглашаются с суждениями только авторитетных лиц. Одни герои указывают на людей, *Которых мы должны принять за образцы?* [1, д. II, явл.5], другие отказывают в праве на суд, юридический или нравственный, тем, *уважать кого должны мы на безлюдьи!* [д. II, явл.5]. Ход конфликта определяется не обсуждением истинности высказываний и суждений, а выяснением того, кто *наши строгие ценители и судьи!* [д. II, явл.5]. Персонажи реагируют на личности, сама же по себе точка зрения оппонента просто не выслушивается. Позиция Фамусова *заткнул я уши* [д. II, явл.2] дублируется Чацким: *Я глупостей не чтец / А пуще образцовых* [д. III, явл.3]. Каждый из героев слышит мнение только своего круга. «Святое» свое (*Зачем же мнения чужие только святы?* – д. III, явл.3), противопоставляется чужим *образцовым глупостям*.

Художественный мир «Горя от ума» привычно воспринимать как расколотый надвое противостоянием Чацкого и фамусовского общества. Четыре раза повторяет слова *под суд* Фамусов, имея в виду даже не общественное осуждение, а юридическую сторону дела: *Тебя уж упекут / Под суд, как гиль дадут* [д. I, явл.3]. Чацкий в ответ вспоминает о тех своих критиках, кто сам должен искать защиту от суда: *Не эти ли, грабительством богаты? / Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве* [д. I, явл.3]. Тем не менее мир комедии «Горе от ума» является значительно более однородным, чем это воображается конфликтующим персонажам, а вслед за ними и критикам пьесы Грибоедова.

Тот особый отпечаток, который видится Фамусову *на всех московских* [д. II, явл. 5] не в последнюю очередь создается злоречием общества, судящим всех и вся: *У нас ругают везде* [д. II, явл. 9]. Фамусов любит задором старичков, которые *Как их возьмет задор, / Засудят об делах, что слово – приговор*, и молодежи (*В пятнадцать лет учителей научат*), и дам, которые *Судьи всему, везде, над ними нет судей* [д. II, явл. 5]. В признании роли общественного мнения сходятся Фамусов, трепещущий перед княгиней Марьей Алексеевной, Чацкий (*Хоть есть*

охотники поподличать везде, / Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде - д. II, явл. 2), Молчалин (*Ах, злые языки страшнее пистолета* - д. II, явл. 11), Лиза (*Грех не беда, молва не хороша* - д. I, явл. 5). Софья единственная с пренебрежением относится к мнению света: *Что мне молва? / Кто хочет, так и судит* [д. I, явл. 5]. И предпочтение, оказываемое Софьей Молчалину, - это следствие выбора между *безмолвием*, которое *обезоружит* [д. III, явл. 1], и злоречием, которое унижает (*Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!* - д. III, явл. 14).

Именно благодаря Софье высвечивается в Чацком то, что сближает его с миром, который он обличает: *Он славно пересмеять умеет всех* [д. I, явл. 5]. С первого появления на сцене начинает Чацкий высмеивать общих знакомых и родственников Софьи, в последних явлениях он *беспощадно* обрушивается на и без того уже раздавленную Софью. Чацкий, зовущий к высоким идеалам и бичующий пороки света (*Ваш век бранил я беспощадно* - д. II, явл. 2), опасно близок к светским сплетникам, перемывающим косточки ближним: *Вот вас бы с тетушкой свести, / Чтoб всех знакомых перечесть* [д. I, явл. 7].

Исследователи отмечают, что «слова, которые мог бы произнести главный герой, словно бы «передоверяются» зачем-то автором его оппонентам и противникам, или персонажам, с которыми главный герой, во всяком случае, не хотел бы иметь ничего общего» [2, с. 76]. Чацкого и персонажей, с которыми он не хотел бы иметь ничего общего, как и автора бессмертной комедии, объединяет их пиетет перед умом как «высшим мерилом всех поступков своих и чужих»: «Так называемый рационализм Грибоедова (...) имел для него значение решающего нравственного критерия» [3, с. 266]. Персонажи выносят друг другу приговор с позиций почти исключительно рационалистических. Равным образом, своеобразие личности автора исследователям его творчества видится в необычайной силе его интеллекта: «Грибоедов – человек громаднейшего ума и ослепительных способностей. Он представляет собой единственное явление. Может быть, рядом с ним нельзя никого поставить» (А. В. Луначарский).

Что я Молчалина глупее [д. I, явл. 7], - не сомневается в своем интеллектуальном превосходстве Чацкий. «*Он слова умного не выговорил сроду*» (д. I, явл. 5), - уничтожающе отзывается Софья о Скалозубе. *А? как по вашему? по нашему* – *смышлен* [д. II, явл. 2], - пропагандирует «смышленость» Максима Петровича Фамусов. Именно отсутствие или недостаток ума вменяется в вину. Безусловно, гражданский образ мыслей Чацкого и прагматический здравый смысл Фамусова и Молчалина не соотносимы. Критерии ума как они видятся *по вашему* и *по нашему* различны. Но соотносимы персонажи, которые объявляют оппонентов глупцами (как Чацкий) или жалеют о бесплодности ума, не могущего найти себе практического применения (как Фамусов). Противники

одинаково лишены диалогического начала, выхватывают из полноты жизни какую-то одну сферу (Чацкий – гражданскую, Фамусов и Молчалин – семейно-бытовую) и глухи к другой. Их суд - суд ума, который *с сердцем не в ладу* [д. I, явл. 7], закрыт для душевных движений любви и добра. Ироническая оценка Софьи *...вы вполне великодушны, / К несчастью ближнего вы так равнодушны* [д. 2, явл. 9] указывает на качества, которые не обнаруживают ни Фамусов, ни Молчалин, ни даже Чацкий, с его отвлеченным от реалий жизни мудрствованием и абстрактной добротой.

И у тех и у других – злой ум, беспощадный к оппоненту и чуждый самокритике. *А над собой гроза куда не бесполезна* [д. III, явл. 1], - замечает мудрая героиня Грибоедова (ум которой, впрочем, в конце концов, тоже ставится под сомнение). Но Чацкий (как и Фамусов) увы, не чувствует потребности *на себя оборотиться* (И.А.Крылов). *А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить, / Угодно ль на себе примерить?* [д. II, явл. 14], - так объясняется возникновение сплетни о сумасшествии Чацкого. Герои «Горя от ума» помнят о необходимости соотносить свое поведение с извне установленными нормами, несоответствие которым грозит общественным осуждением и остракизмом. Но внутренний судья – совесть не обнаруживает своего присутствия в словах и действиях персонажей. И здесь антагонисты тоже сближаются, так как их активность направлена преимущественно вовне – на улучшение быта или социального строя. Внутреннее устройство собственной души остается за пределами их суда. Соответственно погружения в ту духовную глубину, где происходит встреча с Совестью, с Богом, то есть, с народной точки зрения, Высшим судом, не происходит.

Бог мыслится Чацким не как Высший судья, как в народном сознании, а как карающая сила: *Чтоб истребил господь нечистый этот дух...* [д. 3, явл. 22]. Примечательно, что в общении с людьми близкими Чацкий готов передоверить оценку Богу. Так, в беседе с Платоном Михайловичем удивляясь происшедшим в приятеле переменам, Чацкий, завершает разговор несвойственным для него выражением: *Ну, Бог тебя суди* [д. 3, явл. 6]. Но в целом вертикаль «человек- Бог» не входит в поле зрения Чацкого, как и остальных героев, в своих суждениях довольствующихся собственным умом. За сценой комедии Грибоедова находится народ, присутствие которого в качестве судьи могло бы разрушить однородность изображаемого мира. Дворянство и народ, отчуждены настолько, что наличие общего языка считается недостижимым благом: *Чтоб умный бодрый наш народ / Хотя по языку нас не считал за немцев* [д. 3, явл. 22].]

Таким образом, *над* персонажами «Горя от ума» нет судей: *над ними нет судей* [д. II, явл. 5]. В таком случае единственной духовной опорой становится разум, творящий свои кумиры (так, Софья идеализирует

Молчалина) или разбивающий чужие идола (чем занимаются, собственно все главные персонажи пьесы).

В классицистском произведении, представляющем «правильную» картину противостояния добра и зла, четко выражено размежевание на правых и виноватых, на тех, кто судит, и тех, кого судят. В реалистической комедии А.С. Грибоедова ум, понимаемый христианской традицией как способность отличать добро от зла, используется «судьями» для обличения друг друга, неприятия чужих ценностей и идей. При всем несходстве образа мыслей конфликтующих героев все они объединяются образом несогласия, под знаком которого происходит их общение.

Классики марксизма-ленинизма апеллировали к уму, указывающему, с их точки зрения, на необходимость революционного преобразования общества, и ниспровергали невежество: «Невежество – это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий» (К.Маркс). Судьбы народов, судьбы духовного начала, действительно, напрямую зависят от исхода борьбы ума с косностью и невежеством. Торжество разумного начала или горе уму – вот те альтернативы, которые осмысливает гениальный автор комедии «Горе от ума». Но главное открытие Грибоедова не в своеобразии воспроизведения разработанного еще в классицистских произведениях конфликта разума и чувства («Ум с сердцем не в ладу»), а в обнаружении диапазона многочисленных смыслов и тупиков (Дурак никогда не заходит в тупик, потому что там полно умных» - 4, с.864), образующих представление об уме. А, в общем-то, «дураков меньше, чем думаю: люди просто не понимают друг друга» (Люк де Вовенарг - 4, с. 865).

Литература

1. Грибоедов, А.С. Горе от ума / А.С.Грибоедов // Сочинения. М.: Правда, 1985. – С.19 - 144. Далее ссылки на это издание даются в тексте.
2. Лебедев, А. Куда влечет тебя свободный ум / А.Лебедев. – М.: Дет. литература, 1982. -175 с.
3. Лебедев, А. Грибоедов. Факты и гипотезы / А.Лебедев. – М.: Искусство, 1980. – 303 с.
4. Душенко, К.В. Большая книга афоризмов / К.В. Душенко. - Изд.3-е, испр. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1056 с.